

« ГРУППА АНТИТЕРРОР »

СПЕЦНАЗ

Максим ШАХОВ

ЯДЕРНЫЙ КЛИМАТ

ЭКМО
МОСКВА
2014

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш 32

Шахов, Максим Анатольевич.

Ш 32   Ядерный климат / Максим Шахов. — Москва :
Эксмо, 2014. — 320 с. — (Спецназ. Группа Анти-
террор).

ISBN 978-5-699-74674-3

В начале девяностых московский физик Иосиф Губерман изобрел принципиально новый вид климатического оружия. Но тогда проект так и не был реализован. В наши дни об изобретении узнают члены могущественной террористической организации. Они предлагают финансирование проекта, но с одним условием: испытание оружия должно быть проведено в одном из российских городов. Губерман — отчаявшийся гений, готовый на все ради своего детища, — соглашается. О планах террористов становится известно сотрудникам ФСБ. В террористическую организацию внедряется агент-боевик Михаил Кузьменко. Ему приказано во что бы то ни стало остановить Губермана...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Шахов М., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-74674-3

Глава 1

Михаил стучал по клавиатуре компьютера, разыскивая по базе данных статучета фирму с претенциозным названием «Успех». Он искал уже второй час, однако успеха, в смысле результата, не было никакого. Было найдено несколько ОАО и ЗАО с таким названием, но они явно не подходили по профилю деятельности разыскиваемого объекта. Наверняка это фирма-однодневка, созданная на одну-две операции, если и есть по ней какой-то след, то его надо искать у налоговиков. Говорил ведь Валериану: «Купи налоговую базу». Не послушал. Надо посылать Самсоныча к его другу в налоговую инспекцию.

— Михаил Борисович, чай, кофе? — заглянула в его кабинет секретарша Валериана.

— Лучше чай, Роза Ивановна. — Михаил откинулся на спинку кресла, решив оставить явно бессмысленное занятие. Через минуту на столе перед ним уже стоял поднос с зеленым чаем и имбирным печеньем.

Вообще-то по должности такой сервис ему не положен. И секретарша для него не предусмотрена. Но поскольку Валериана сейчас нет, то Михаил, как его зам, вроде бы автоматически за шефа. Однако истинная причина такого внимания к нему со стороны Розы Ивановны в другом: она давно положила на него глаз. Роза Ивановна, или Роза, как все называют ее в офисе, женщина немолодая, но молодящаяся. У нее пышные формы, шикарные каштановые волосы, так что по нестрогим параметрам Роза Ивановна женщина еще весьма и весьма... Она печет великолепное печенье, которым периодически потчует коллег в офисе. Но все эти достоинства перечеркиваются двумя недостатками: чрезмерное любопытство и болтливость, обычные, в общем-то, женские недостатки, которые у нее приняли гипертрофированные формы. Раньше Роза Ивановна пела в местном театре оперные арии, но в лихие девяностые годы «под ударами судьбы» (театр распался) вынуждена была оставить сцену. Сейчас Розе Ивановне сорок пять, женщина в цвету и одинока — самый опасный вариант для зрелых холостяков.

Откровенные намеки начались год назад. Сначала приглашения в офисе попить чай в ее закутке, затем просьба повесить люстру в ее квартире... Михаил, чтобы отсечь у Розы Ивановны ненужные иллюзии, сразу заявил ей, что у него есть подруга, и даже просил знакомую девушку-следователя из милиции звонить ему в офис

только по городскому телефону. Однако Роза Ивановна оказалась женщиной проницательной и как-то заявила Михаилу, что если у него и есть девушка, то это несерьезно.

— Михаил Борисович, — по-свойски вошла в кабинет с чашечкой кофе Роза и села в потертое кресло, — а почему вы не возьмете себе помощника? Наняли бы какую-нибудь студентку с юридического, она взяла бы у вас часть черной работы. Я же вижу, что вы работаете прямо на износ.

Вопрос вроде бы бесхитростный, но с двойным дном.

— Понимаете, Роза Ивановна, — изобразил простодушную улыбку Михаил, — я считаю, что для того, чтобы «влезть» в расследуемое дело, надо самому пройти все этапы расследования. Это мой принцип.

— Я не знаю методику ваших расследований, но себе цену надо знать и уважать себя, в рамках разумного, конечно. У нас в театре, — без перехода начала Роза Ивановна, — был тенор Хлебосольцев-Заварский, слышали, может быть, заслуженный... — презрительно хмыкнула она. — Так его гримировал только личный гример. Один раз он заболел, а этот Заварский заявил, что другого гримера к своему телу не подпустит. Чуть спектакль не сорвал. Пришлось того гримера из постели вытаскивать и везти к Заварскому...

— Ну, это барство.

— А вот еще. Была у нас одна певичка...

— Роза Ивановна, не могли бы вы мне принести дело по пропавшему рыбаку, — предусмотрительно перекрыл открывшийся словесный фонтан женщины Михаил.

— Да, конечно. — Роза Ивановна обиженно поднялась и вышла из кабинета с напряженно прямой спиной, демонстрируя официальность.

Господи, сколько у нас еще по стране таких женщин, горестно подумал Михаил, и ничего тут не сделаешь. Мужиков выбивает тысячами. Войнами, бандитскими разборками, водкой.

Он встал из-за стола, поставил на подоконник пустую чашку, подошел к настенному календарю, перевел красное окошечко на нужное число: девятое апреля 2003 года. Почти семь лет прошло с тех пор. Семь лет, вздохнул Михаил, прожитые впустую, даже вспомнить нечего.

После бойни на секретном объекте в сибирской тайге его доставили в Москву. В аэропорту, как только он сошел с трапа самолета, его приняли крепкие ребята в черных костюмах и галстуках и на черном джипе увезли в какой-то лесной «санаторий». Поместили в камеру с привинченной к полу мебелью. Начались длительные, изматывающие допросы. Дотошно расспрашивали о семи годах его бурной жизни, начиная с августа 1989 года. Но и после допросов ему не давали покоя: приносили в камеру бумагу, просили описать то один эпизод из его жизни, то другой.

Некоторые эпизоды он описывал по несколько раз, с интервалами в две-три недели. Понятно,

ловили на мелочах и нестыковках. Работали с ним жестко, но не били, не кололи. Уже прогресс! Демократия! Ночью давали на сон восемь часов. Кормили сносно, и на этом спасибо.

С ним работали четыре человека. Сначала был лысый мужчина в кожаной куртке, до безобразия много куривший. Его интересовали эпизоды, связанные с террористической операцией на секретном объекте. Потом был мужчина интеллигентного вида с толстыми линзами на очках. Он немного заикался и говорил нараспев. Тот задавал самые разнообразные вопросы, иногда идиотские. Например, что вам больше нравится: корова на льду или огурец в презервативе. Это был психолог, который выяснял его психическое состояние. Затем была женщина лет тридцати пяти, довольно симпатичная. Она проверяла его на детекторе лжи и задавала безумное количество вопросов, которые часто повторялись.

И еще с ним работал сухопарый мужчина с непроницаемым лицом, интересовавшийся эпизодами его заграничной жизни, особенно фактами и деталями пребывания Михаила в турецком лагере по подготовке диверсантов. Инструктора Рашида его просили даже нарисовать по памяти. Но поскольку изобразительные способности Михаила были невысоки, ему велели подробно описать его: внешность, приметы, характер, даже коронные удары в рукопашных поединках.

Режим содержания был специфический: что-то среднее между тюрьмой и психбольницей.

Подъем в 7.00, тридцать минут прогулка в глухом дворе, окруженном высоким забором с колючкой, собаки, натасканные на людей. Охранники — тренированные волкодавы, молчаливые, с суровыми лицами. Во всех щелях видеоканалы. Как-то Михаил решил похулиганить, проверить систему охраны. Подпрыгнул на забор высотой два с половиной метра, подтянулся, увидел дальше другой забор, высотой не меньше трех метров. Через пять секунд подбежали две кавказские овчарки, глухо рыча и недвусмысленно обнажив клыки. Когда он спрыгнул на землю, перед ним уже стояли два «шкафа», играя желваками и мускулами.

— Прогулка закончена, в камеру, — сухо объявил один из них.

Михаил безропотно подчинился. Перед тем как закрыть за ним дверь в камеру, охранник предупредил: «Не надо больше так делать, будет хуже», — и красноречиво сжал свой внушительный кулак.

В 8.00 завтрак, в 9.00 допросы до 17.00. До девяти часов вечера написание «мемуаров». Полчаса — прогулка, в 23.00 отбой. В принципе он мог ложиться и раньше, до отбоя, это не запрещали. Но все равно заснуть не мог, так как до 23 часов над кроватью горела яркая лампа и, кроме того, рядом с лампой работал кондиционер. Сначала Михаил не понимал, в чем дело, ведь он прекрасно засыпал в трясущемся грузовике или при громко орущем радио. Лишь под

конец пребывания в тюрьме до него дошло, что причина в кондиционере. Нужды в нем не было: комната просторная, по углам две вентиляционные решетки. Работал кондиционер странно. Воздух из него не шел, но он издавал какой-то еле слышный гул. Когда Михаил ложился на кровать, его сразу охватывало чувство беспокойства и страха. Генератор сверхнизких частот, понял он. Михаил слышал о таких установках, и вот теперь пришлось это «чудо техники» испытать на себе.

На допросы не водили только в воскресенье. Но это было еще хуже: гнетущая тишина, ни радио, ни газет, ни телевизора. Один раз он попросил охранника дать ему что-нибудь почитать. «Не положено», — отрезал тот. На одной из бесед Михаил пожаловался психологу: «Вы что, хотите, чтобы у меня крыша поехала?» Психолог обещал помочь, заметив, что это очень сложно. Через три дня дали несколько книг: низкосортные детективы, «фэнтези», которыми сегодня завалены книжные развалы. Вероятно, их читала охрана во время длинных и скучных дежурств.

Эта тягомотина длилась три месяца и закончилась неожиданно. Теплым сентябрьским утром Михаила, как обычно, повели на допрос. Однако доставили его не в унылую камеру для допросов, а в уютный кабинет начальника объекта, с современной мебелью, телевизором и кактусами на подоконниках.

За столом сидел худощавый мужчина лет пя-

тидесяти, в дорогом сером костюме, а под ним белая сорочка и модный галстук. Лицо неприметное, гладко выбритое, ухоженное, в манерах, да и во всем облике мужчины чувствовалась власть. По внешнему виду род занятий мужчины определить было сложно. Но выдавал взгляд серых, глубоко посаженных глаз. Взгляд-рентген: пронизывающий и одновременно притягивающий. Это взгляд ловцов человеческих душ. Он у них всех одинаков и не зависит от ведомственной принадлежности или национальности.

— Присаживайтесь, Михаил Борисович, — жестом указал на стул у стола мужчина.

Михаил сел и вдруг почувствовал: сейчас и будет решаться его судьба. Мужчина несколько секунд смотрел на него, как кошка на мышку.

— Меня зовут Геннадий Николаевич, сотрудник управления «БТ», — сообщил представитель серьезного ведомства. — Мы проверили ваши показания и, в целом, поверили им. Приняли решение относительно вас. — Геннадий Николаевич слегка ударил по столу ладонью с плотно сжатыми пальцами. Этот жест был красноречивее всяких слов. Прихлопнул, словно муху, подумал Михаил. — Но мы все-таки должны согласовать это с вами.

— Зачем же со мной согласовывать, если решение уже принято? — вяло усмехнулся Михаил.

— У вас есть выбор, небольшой, но есть. Всего два варианта. Первый: мы вас вербуем как агента, вы отсидите несколько лет в тюрьме

как соучастник террористической акции, затем выйдете по амнистии. А дальше посмотрим, где можно будет вас использовать.

— А второй?

— Если вы не соглашаетесь на первый, то отсидите на полную катушку — двадцать лет. В шестьдесят выйдете. Как раз к пенсии, — мрачно пошутил Геннадий Николаевич.

— А то, что я выдал вам всю группу и помог в ее ликвидации, это что, является соучастием в преступлении?! — с вызовом посмотрел ему в лицо Михаил.

— Мы учли этот факт, — спокойно кивнул головой Геннадий Николаевич. — Если бы не это, то у вас был бы только один вариант — второй.

«С-суки, — ругнулся про себя Михаил, — я знал, что Контора жесткая организация, но чтобы до такой степени!»

— И в какой роли вы меня хотите использовать?

— Пока не знаем. Видите ли, Михаил Борисович, вы стали довольно заметной фигурой в среде террористов. А это самый закрытый контингент в криминальном мире. Внедрить своего человека в эту среду, допустим в ту же Аль-Каиду, процесс долгий, сложный и, как правило, с отрицательным результатом. Вы же оперативник, все понимаете. — Геннадий Николаевич скривился в гримасе, которая, видимо, должна была обозначать улыбку. — Мы вам оставляем вашу последнюю биографию и ваше последнее имя,

и вы в глазах наших врагов остаетесь тем же самым террористом — беспринципным, закаленным, не сломленным в застенках НКВД...

— А Вощанов, он же знает мою роль в резне на объекте?

— Вощанов уже никому ничего не скажет, — загадочно усмехнулся Геннадий Николаевич.

О господи, горестно воскликнул Михаил про себя, никогда мне не вырваться из этого адава круга.

— У меня есть вообще надежда вернуть свое имя? — Он прямо посмотрел в глаза собеседника.

Чекист молча помотал головой, затем достал из стола толстую папку синего цвета — в правом верхнем углу гриф «Совершенно секретно», в середине — «Личное дело Кузьменко Михаила Борисовича» и предложил:

— Читайте.

«Постановление о закрытии дела и сдаче в архив». ...Установлено, что Кузьменко М. Б. погиб в автокатастрофе в гор. Жмеринка (Украина), свидетельство ДАИ (дорожная автоинспекция) прилагается. На основании изложенного и в соответствии с приказом № ... дело закрыть, сдать в архив на хранение. До 2071 года, после чего уничтожить.

Начальник отдела кадров, полковник...» — запрыгали буквы перед глазами Михаила.

Геннадий Николаевич забрал обратно папку, спрятал ее в стол. Вот и все, нет меня, опустошенно подумал Михаил.

— Моей бывшей жене вы... сообщили? — спросил он.

— Естественно. — На лице чекиста опять появилась улыбка-гримаса.

— И вы меня запрячете в тюрьму только ради этой вашей игры?

— В общем-то, да. — Геннадий Николаевич был откровенно циничен.

— Жестоко, — горько усмехнулся Михаил.

— Но ведь вы сами выбрали себе такую судьбу. И потом, Михаил Борисович, мы люди военные, хоть и не носим форму. Ну, посудите сами: солдат оставляет боевой пост. В мирное время за это дисциплинарное наказание, в военное — расстрел. Вы в Германии тогда, в сентябре 1989 года, когда у нас каждый работник был на счету, бросили свой пост, сбежали. Хорошо, что сейчас демократия, а при Берии что бы с вами было?

— Но зачем вы отнимаете у меня мое имя и мое прошлое?! — возмущенно воскликнул Михаил.

— А для нашей игры. И чтобы у вас не возникли лишние иллюзии и вы не наделали каких-нибудь глупостей. Я прочитал ваше личное дело, все ваши объяснения, — Геннадий Николаевич встал из-за стола, прошелся по кабинету, остановился перед Михаилом, — и знаете, мне непонятны мотивы ваших действий в 1989 году в Германии. Зачем вы так поступили? Теперь мы убедились, что не ради предательства. Тогда